Рецензии

*Continu abitur**: Религиозно-общественная жизнь российских регионов

Рецензия на: Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. III / Отв. ред. С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2018. — 468 с.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-3-224-238

В мае 2018 года вышел в свет третий том энциклопедии «Религиозно-общественная жизнь российских регионов». Данный фолиант является двенадцатой книгой, изданной совместными усилиями представителей российского академического сообщества и Кестонского института (Великобритания) в рамках фундаментального исследования «Энциклопедия современной религиозной жизни России». Целью этого грандиозного проекта является описание основных тенденций, происходящих в религиозно-общественной жизни российских регионов. Бессменными авторами очередного тома энциклопедии являются: Сергей Филатов (старший научный сотрудник Института востоковедения РАН), Роман Лункин (руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН) и Ксения Деннен (президент Кестонского института).

Материал подготовлен по итогам реализации государственного задания РАНХиГС–2018 г. № АААА-А18-118013190105-2 по теме «Система экспертно-аналитического обеспечения религиозно-политических процессов на региональном и муниципальном уровнях органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации» в рамках научного направления «Социально-исторические, политико-правовые, культурологические и философские исследования».

* Продолжение следует — лат.

Структура

Последовательность подачи материала в третьем томе продолжает ранее выбранную исследователями стратегию — российские регионы расположены единым упорядоченным по ал-

фавиту списком. В первом томе раскрывалась религиозно-политическая обстановка в 19 регионах с буквы А до И (от Адыгеи до Ингушетии), во втором томе — в 14 регионах с литеры И до К (от Иркутской области до Красноярского края), в третьем томе — в 11 регионах с К до Н (Курганская, Курская, Липецкая, Магаданская области, Чукотский автономный округ, республики Марий Эл и Мордовия, Мурманская, Нижегородская, Новгородская и Новосибирская области).

Минусы алфавитной стратегии изложения материала воспроизводятся в каждом томе и ранее уже подробно освещались[2]. Из основных проблем стоит отметить: 1) трудности с логистикой при сборе информации — авторы, следуя литерной последовательности регионов, вынуждены регулярно перемещаться из одного конца страны в другой; 2) когнитивные сложности при ознакомлении с материалом — при алфавитной последовательности изложения материала регионы оказываются вырванными из окружающего их социально-культурного и политико-экономического контекста, в результате читателю, постигающему содержание книги, приходится постоянно перепрыгивать от религиозно-общественной специфики одного субъекта федерации к особенностям другого.

В ряде случаев авторский коллектив сам отступает от выбранной стратегии изложения материала. Так, в первом томе Ненецкий автономный округ (НАО) в нарушение алфавитной последовательности был раскрыт после Архангельской области (справедливости ради надо отметить, что формально НАО входит в состав Архангельской области, он одновременно является и субъектом РФ, и составной частью области). При этом Еврейская автономная область вообще не была описана, причем ни в первом, ни во втором томе. Однако третий том стал рекордсменом на подобные отступления от изначально принятых авторами правил. В нарушение алфавитной последовательности в нем нет республики Крым, Ленинградской области, Москвы (столице планируется посвятить последний том энциклопедии), Московской области и НАО (так как последний был раскрыт в первом томе). Зато в новом издании появился Чукотский автономный округ (ЧАО), который раскрывается после Магаданской области. Однако ЧАО уже более четверти века не является частью Магаданской области, он вышел из ее состава еще в 1992 г.

2. *Богачёв М.И.* Curriculum vitae: Религиозно-общественная жизнь российских регионов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 252–253.

и в настоящее время является единственным из четырех существующих в России автономных округов, который не входит в состав другого субъекта федерации. В связи с этим его местонахождение в третьем томе энциклопедии вызывает недоумение.

Каждому субъекту федерации в книге посвящена отдельная глава. Главы представляют собой информационно-аналитические описания религиозно-общественной жизни региона на 30–40 страниц. Излагаемые материалы структурно разделены на несколько блоков: повествование начинается с вводного раздела «Особенности исторического развития религии», где перечисляются ключевые для региона исторические события и дается отрывистый пересказ мифологизированных преданий о местных святых, основавших на территории региона значимые храмы и монастыри. После раскрывается информация об организационной структуре и особенностях религиозной жизни в регионе РПЦ/РПЦЗ/Старообрядчества/Католицизма/Протестантизма/Иудаизма/Ислама/Язычества.

Большая часть каждой главы посвящена РПЦ, поэтому данный раздел также включает в себя несколько блоков: Организационная структура/Особенности епархиальной жизни/Религиозная политика властей и РПЦ/Численность/Учебные заведения/Монашество. Блок с многообещающим названием «Организационная структура» включает в себя информацию о количестве составляющих митрополию епархий и сжатые биографии ныне здравствующих митрополитов и епископов. Аналитической информации данный раздел не имеет, но может быть полезен для составления представлений об основных каналах социальной мобильности в церковных кругах. Для широкого читателя в большей степени интерес представляют блоки об особенностях епархиальной жизни и религиозной политике властей, которые описывают не то чтобы безрадостную, но в целом суровую картину религиозно-общественной жизни российских регионов.

Особенности епархиальной жизни

Мир РПЦ условно можно поделить на три уровня (Церкви), бытие и сознание которых существенно различаются: уровень патриархии, уровень митрополий и епархий, уровень благочиний и приходов. Патриархия ориентирована в первую очередь на решение геополитических проблем: выстраивание отношений с международными акторами, взаимодействие с органами федеральной власти, нахождение

баланса между полярно настроенными силами внутри Церкви.

Церковь на уровне митрополий и епархий живет иной жизнью. С одной стороны, она вынуждена соблюдать заданный патриархией вектор на централизацию и формальное соглашательство со всеми ее инициативами, но с другой — обладает существенной самостоятельностью в своих внутренних вопросах. За ширмой церковного официоза зачастую скрываются мириады финансово-экономических, идеологических, кадровых и личностных конфликтов, обуславливающих особенности религиозно-общественной жизни регионов. Согласно представленным в издании данным, митрополичьи и епархиальные кафедры в РПЦ преимущественно занимают люди, обладающие авторитарным складом характера и консервативно-патерналистским мировоззрением, многие из них симпатизируют монархическим и антиэкуменистическим идеям. Они с подозрением относятся ко всем видам общинной самоорганизации, требуют беспрекословного подчинения и безжалостны к активным и ярко проявляющим себя священнослужителям. Во многих регионах, описанных в третьем томе энциклопедии, фиксируются случаи выживания и запрета в служении пользующихся у мирян признанием, но неугодных архиереям из-за своей популярности или «либеральных» взглядов священнослужителей (Курганская, Курская, Мурманская, Нижегородская, Новосибирская области, ЧАО).

В свою очередь церковь на уровне благочиний и приходов оказывается в самом незавидном положении. Именно на нее ложится бремя «феодального» финансового обеспечения вышестоящих по иерархии церквей, столкновение с реальными проблемами социального служения на местах, трудности, связанные с нехваткой квалифицированных кадров и малочисленностью приходских общин. Обилие хозяйственных проблем, с которыми сталкиваются члены низовой церкви, имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, существующие трудности способствуют аполитичности взглядов и экуменистической нейтральности клира и прихожан, что увеличивает их подконтрольность, но с другой стороны именно хозяйственная неупорядоченность оформляет запрос на демократизацию и либерализацию церковной жизни, на диалог и взаимодействие с инославными и иноверцами. Эти запросы сталкиваются с авторитаризмом руководства епархий и митрополий и зачастую закладывают основу для конфликтов паствы, возглавляемой рядовыми священнослужи-

телями, с региональными церковными иерархами.

Религиозная политика властей и РПЦ

За последние годы расклад государственно-религиозных отношений в Российской Федерации существенно не изменился. В России по сей день не существует нормативного документа федерального уровня, который бы в объеме, превышающем содержание 13 и 14 статей Конституции РФ, устанавливал принципы взаимоотношений государства и религиозных организаций и регламентировал их взаимодействие. В условиях отсутствия официально и централизованно проводимой государственной политики в сфере государственно-конфессиональных отношений основными игроками религиозно-общественного пространства продолжают оставаться светские власти и РПЦ. При этом действия федеральной власти по отношению к религиозным организациям во многом носят утилитарный и бутафорски лоялистский характер. С одной стороны, религия (в частности православие) используется властями в качестве «духовной скрепы» (коллективного идентификатора, объединяющего атомизированное население в единое целое), средства по культурной универсализации российского социума, легитимизатора политического режима и инструмента воздействия в международной политике, а с другой — светские власти стараются дистанцироваться от религиозных и связанных с церковью скандалов и в трудные для Церкви минуты, ссылаясь на букву закона, придерживаются подчеркнуто нейтрально-секулярной позиции.

В условиях отсутствия централизованной религиозной политики региональные власти оказываются вынуждены искать исходящие от федералов «сигналы» даже там, где их нет, и воплощать в жизнь свои интерпретации воли суверена. Как отмечает один из протестантских пасторов, дававших авторам проекта интервью: «власти придерживаются принципиальной позиции, что РПЦ — это “самая главная церковь, а чиновники смотрят на президента, который стоит со свечкой в храме”» (с. 102). В результате государственно-конфессиональная политика в большинстве субъектов федерации имеет умеренно проправославный характер. Содержательно умеренно проправославная политика проявляется в следующих действиях — власти в разумных пределах финансируют и способствуют реализации большинства запросов РПЦ (в частности, оказывают помощь РПЦ в строительстве кафедральных соборов, выделяют земли

и деньги на строительство храмов, оплачивают расходы церкви и клира за жилищно-коммунальные услуги или же устанавливают для них особые тарифы), но препятствуют попыткам клира воздействовать на культурную и образовательную политику региона и пресекают нападки православных иерархов на религиозные меньшинства (Курганская, Новосибирская область).

Вместе с тем имеются и регионы, где государственно-конфессиональная политика может быть охарактеризована как чрезмерно проправославная (Липецкая область при Олеге Королеве, Мордовия при Николае Меркушкине и Владимире Волкове). Ее суть сводится к всесторонней поддержке любых инициатив РПЦ, способствованию проникновения православного клира во все сферы общественно-политической жизни вплоть до региональных министерств, активнейшему строительству объектов религиозного назначения, принуждению чиновников и бизнесменов к финансированию строительства церквей (с. 116, 213, 243), а также оказанию давления на религиозные меньшинства и осуществлению преследований их представителей. В таких субъектах архиереи становятся полноценными политическими фигурами, способными благодаря своим «тесным деловым и дружеским отношениям» (с. 93) с главами региональной власти «все вопросы решать напрямую» (с. 213) и оказывать воздействие не только на религиозную, но и на финансово-экономическую и политическую жизнь региона. Как, например, в Нижегородской области при губернаторстве Валерия Шанцева, а если быть более точным — в период полпредства в Поволжском федеральном округе Александра Коновалова (2005–2008), где: «При молчаливом согласии полпреда новый и энергичный нижегородский епископ Георгий обложил “данью” на строительство и реставрацию храмов местных коммерсантов» (с. 294).

В качестве основного маркера проводимой в регионе государственно-конфессиональной политики можно использовать отношение властей к религиозным меньшинствам (прежде всего протестантам). Если жизнь протестантских общин регулярно осложняется (отнимаются молельные дома, запрещаются массовые мероприятия, создаются барьеры для аренды помещений, в региональных и муниципальных СМИ безнаказанно происходит диффамация «сектантов» и т. п.), то в регионе проводится чрезмерно проправославная политика. Если же власти стараются «не замечать» религиозные меньшинства, принимать их помощь в социальном служении, а в некоторых случаях

даже заступаться за них при нарушении их конституционных прав, то в субъекте проводится умеренно проправославная политика. Дополнительными показателями для определения вектора политического курса, взятого региональными властями в сфере государственно-конфессиональных отношений, могут послужить состав и частота сбора Совета по взаимодействию с религиозными организациями при региональном парламенте или администрации (если в него входят только представители власти и РПЦ, то в регионе проводится чрезмерно проправославная политика, если в Совете присутствуют представители «традиционных» религий, то — скорее умеренно проправославная, а если допускаются католики и протестанты, то курс точно взят на умеренно проправославные действия); частота применения в регионе «закона Яровой»; а также доля школьников, выбравших в курсе ОРКСЭ «Основы православной культуры» (высокая «популярность» ОПК в регионе зачастую является признаком принуждения со стороны светских и религиозных иерархов).

Характер проводимой в регионе государственно-конфессиональной политики всецело зависит от мировоззрения лиц, ответственных за принятие решений по профильным вопросам, степени их объективности и устойчивости к соблазняющим речам архиереев. Прежде всего это касается губернатора и существующего при его администрации специалиста по религиозным вопросам. Однако если в 90-е и в начале нулевых годов кардинальное изменение государственно-конфессиональных отношений после смены губернатора было обыденностью (как правило, нейтрально и/или отрицательно относящиеся к РПЦ политики сразу же или сокращали или вовсе прекращали бюджетное финансирование реставрации и строительства храмов [с. 53, 286], а лояльно ориентированные — наоборот, увеличивали долю субсидий и давление на бизнес, который принуждался к «благотворительности» [с. 116, 243–244, 294]), то в 10-е годы радикальное изменение религиозного курса региональных властей не встречается, ввиду того что все политические акторы уже усвоили сложившиеся правила игры в проправославный консенсус.

Примечательно, что за время нахождения у власти меняют свое отношение к Церкви и воцерковляются даже видные коммунистические деятели, члены КПСС и КПРФ (Александр Михайлов в Курской области, Геннадий Ходырев в Нижегородской). Небезынтересен и тот факт, что время нахождения своего пути

к богу и изменению отношения к РПЦ у губернаторов, по странному стечению обстоятельств, совпадает со сменой политической ориентации и переходом из КПРФ в «Единую Россию» (Ходырев сменил политический окрас в 2002 году, а Михайлов обменял красный партбилет на синий в 2004–2005 годах).

Вместе с тем необходимо отметить, что в условиях затянувшегося экономического кризиса, сопровождаемого иностранными санкциями, региональным властям становится все тяжелее находить средства для финансирования долгоиграющих результатов активной проправославной политики своих предшественников. Как отметил в интервью ТАСС Александр Евстифеев, избранный в 2017 году главой республики Марий Эл: «За последние десять лет в Йошкар-Оле построено много православных храмов. <…> а нагрузка по уходу за церквями ложится на городской бюджет, поскольку приходы не справляются с тратами. Словом, головная боль для нас большая»[3].

Позиция региональных властей

Логика, которой руководствуются региональные власти, проводящие умеренно проправославную политику, может быть объяснена не только попытками предвосхитить официально не озвучиваемые пожелания федеральной власти, но и особенностями бюрократического мировоззрения. Региональные власти зачастую рассматривают религиозные институты как подспорье в решении социальных проблем (с. 152, 292). Так, «Позиция губернатора Олега Королева заключается в том, что Церковь — это оплот и поддержка власти, без нее невозможно воспитание подрастающего поколения, а также борьба с различными социальными пороками. Государство самостоятельно не может обеспечить такую социальную деятельность. Поэтому Церковь и государство поддерживают взаимный симбиоз. С точки зрения власти, легче предотвратить какие-либо конфликты, поэтому именно православные ведут воспитание молодого поколения: все с детского возраста уже в воскресных школах» (с. 95). В этом отношении любопытен кейс Липецкой области, где светская власть являлась активнейшим лоббистом выделения из состава Воронежской епархии самостоятельной Липецкой епархии, а позднее и формирования Липецкой митрополии, так как, находясь в составе Воронежской епархии, липецкие храмы и церковные социальные службы были в значительной сте-

3. *Вандетко А.* Александр Евстифеев: йошкин кот знает! // ТАСС. [http://tass.ru/opinions/region-officials/4506883, доступ от 01.09.2018].

пени лишены поддержки своего основного спонсора — Липецкого металлургического комбината (НЛМК).

Вместе с тем чиновники придерживаются принципа «малой крови», заключающегося в упрощении затрат и максимизации собственной полезности, и максимы «кабы чего не вышло», сводящейся к недопущению развития гражданских инициатив на местах. Минимизация затрат властей зачастую проявляется в желании взаимодействовать только с большими бюрократизированными организациями, обладающими воздействием на широкие слои населения. С подобными жестко иерархиезированными структурами чиновникам оказывается проще работать, чем с религиозными меньшинствами, многочисленными в организационном отношении, но сравнительно малочисленными в плане последователей. «По словам сотрудницы администрации, количество православных приходов в области стабильно, а остальные конфессии не могут играть такой роли, как РПЦ (“Возникает вопрос: есть ли необходимость в других организациях? По сравнению с православием они — капля в море”)» (с. 94).

В свою очередь, недопущение развития гражданских инициатив, идущих со стороны религиозных меньшинств, является следствием бюрократического страха за возможные последствия неподконтрольных ему процессов и «шумиху», поднятую по этому поводу РПЦ. «Потворство» меньшинствам вызывает недовольство православных иерархов, претендующих на приоритет, если не на монополию в религиозно-общественном пространстве. «Отношения с религиозными организациями стремились строить строго в рамках Закона и равного отношения ко всем конфессиям. Такая позиция областных властей вызывала жесткую критику со стороны владыки Симона, обвиняющего чиновников “в равнодушии к нуждам православия и в попустительстве духовной агрессии западных миссионеров. <...> Отсутствие рвения в помощи епархии и допущение существования множества религиозных меньшинств в городе побуждали архиепископа Симона критиковать и городских чиновников”» (с. 244). Раздражение РПЦ зачастую выливается в жалобы и кляузы, раздувающие проблему и привлекающие к ней внимание федеральных властей и общественности (Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская области), что также не является желаемым исходом для региональных властей.

Тем не менее, в ряде случаев прагматизм властей предержа-

щих идет на пользу и религиозным меньшинствам, и обществу. Власти оказываются готовы взаимодействовать с организациями, которые бесплатно оказывают помощь людям и «не преследуют прозелетических целей» (с. 54). «Как отмечают чиновники, православные долгое время критиковали инициативы протестантов, но сами не занимались ранее такой социальной работой (по словам Лымаря [начальника отдела по связям с религиозными организациями Комитета по связям с религиозными, национальными и благотворительными организациями Новосибирской области — прим. автора], "родителям наркомана все равно, в какой он церкви, главное, чтобы он жив остался")» (с. 408).

Позиция церковных иерархов

В свою очередь, в действиях иерархов РПЦ также можно проследить определенную логику. Последнюю четверть века РПЦ придерживается экстенсивной стратегии развития, основная ее задача в этом деле — «застолбить» за собой место, обозначить свое присутствие во всех сферах, отсюда такая активность клира в медийном, общественно-политическом и культурно-символическом пространстве страны. Иереи активно работают над созданием образов веры и церкви большинства и закреплением их за православием и РПЦ (повсеместное строительство кафедральных соборов, восстановление разрушенных и покинутых храмов (даже если в них некому и не для кого проводить службы), установление поклонных крестов, присутствие на всех светских мероприятиях и т. п.). Подразумевается, что в дальнейшем, после того как секуляризированное российское общество привыкнет к близости религиозных институций, а израненная атеистической политикой СССР церковь окрепнет и нарастит свою финансово-экономическую и богословскую мощь, начнется активная стадия проповедования Евангелия и слова божьего в мире. Однако на данный момент церковь все еще находится в стадии «первоначального накопления капитала», основным подспорьем для которого является государство. «Владыка Аркадий, ставший первым магаданским епископом, не отличался благочестием и особым проповедническим даром, но сумел наладить отношения с местными властями, достать необходимые средства, чтобы строить церкви и монастырь» (с. 110).

Вместе с тем (как это ни парадоксально) РПЦ стремится минимизировать свою зависимость от государства и создать автономную от светских властей систему церковного жизнеобес-

печения. В памяти духовенства еще свежи воспоминания о том, что государственная поддержка непостоянна (как и само государство), не бескорыстна и имеет неоднозначные для церкви последствия. Помня об этом, иезуитски взаимодействующая с властью РПЦ ориентируется не столько на властные структуры вообще, сколько на конкретных лиц, принимающих в них решения, и выстраивает с ними отношения «не просто теплые, а очень тесные» (с. 280). При помощи точечного воздействия на региональных руководителей церковным иерархам удается получать всевозможные ресурсы и привилегии (так, региональные и местные администрации освобождают РПЦ от налога на имущество нерелигиозного назначения, предоставляют структурам и иерархам РПЦ на безвозмездной основе помещения, выделяют под строительство землю, субсидируют проведение различных мероприятий, давят на конкурентов РПЦ на религиозном рынке). Полученный при помощи лоббирования административный ресурс церковь перераспределяет на различные направления, важнейшими из которых, кроме строительно-символического, являются экономическое, образовательное (культурно-просветительское), социальное и «антисектантское».

Церковные структуры ведут энергичную работу по созданию финансово-экономической базы — приобретают земли сельскохозяйственного назначения, организуют подсобное хозяйство (с. 44, 408), ибо «проповедь и благочестие в церкви на втором месте, главное — создание экономической базы. Лишь после этого возможно стабильное развитие церкви» (с. 111). РПЦ также активно способствует продвижению религиозной социализации в системе образования (особенно в начальной и средней школе, детских лагерях): издает православную литературу, комплектует учебными пособиями библиотеки, переподготавливает преподавателей, создает теологические кафедры и факультеты, всеми средствами увеличивает долю родителей, выбирающих для своих детей курс «Основы православной культуры», включающий в себя «изложение православного вероучения, церковной истории и православного понимания истории России, русской литературы и культуры» (с. 41). Авторы энциклопедии отмечают, что в последние годы в РПЦ наметилась тенденция к качественному изменению ситуации с социальным служением, православные иерархи (не без наития светских властей) стали постепенно отходить от игры в символической плоскости и подключаться к ре-

альной социальной работе: налаживать работу с реабилитационными центрами, медицинскими учреждениями, детскими домами, тюрьмами, приютами и т. п.

Еще одним направлением для взаимодействия РПЦ и региональных светских властей является борьба с религиозными меньшинствами. Посредством привлечения административного ресурса РПЦ пытается вытеснить с религиозного рынка своих конкурентов, в первую очередь протестантские церкви, которых с легкой руки православных активистов СМИ часто представляют как «тоталитарные и деструктивные секты». «При Гурии отношения между властью и епархией стали еще крепче, дискриминация меньшинств стала нормой». (с. 116–117). Представителей религиозных меньшинств удаляют из Советов по взаимодействию с религиозными организациями, лишают молитвенных домов, отказывают возвращать старые церковные здания и предоставлять землю под новые, препятствуют аренде помещений под богослужения, штрафуют за проповеди, терроризируют постоянными прокурорскими проверками и т. п. Представители РПЦ в штыки воспринимают любую деятельность альтернативных религиозных организаций будь то попытка строительства мечети (с. 117), создание католического монастыря (с. 273) или организация протестантами шествия (с. 349). Результатом подобных действий становится не только эскалация напряженности в регионе, но и подавление социального служения протестантов, которые в этой сфере оказываются разительно активнее и успешнее православных. Протестантов не допускают до работы с заключенными, закрывают курируемые ими центры по реабилитации алко- и наркозависимых, не позволяют публично помогать бездомным, а государственным и муниципальным организациям запрещают получать от них помощь. «К примеру, в 2010 г. во время массовых пожаров в области адвентисты решили привезти вещи в детский дом, и на здании висело объявление, что детдома принимают помощь только от КПРФ, ЛДПР, “Единой России” и РПЦ» (с. 319).

Новые вызовы в государственно-конфессиональных отношениях

Еще одним бенефициаром притеснения различного рода меньшинств стали силовые структуры. Вступление в силу пакета поправок Яровой-Озерова, религиозно ориентированная часть которых была пролоббирована РПЦ, привели к тому, что религиозная жизнь россиян стала для силовых (правоохранительных) ведомств ресурсом для за-

рабатывания «палок» (выполнения плановых показателей по раскрываемости).

Вместе с тем использование силовиков как инструмента для борьбы с конкурентами может оказаться палкой о двух концах и иметь неоднозначные последствия не только для религиозных меньшинств, но и для самой РПЦ. Вовлечение в религиозное пространство структур, придерживающихся ястребиной стратегии поведения и обладающих особой институциональной логикой развития (есть статья — должны быть посадки), подобно открытию ящика Пандоры. На данный момент времени РПЦ удается направлять репрессивную машину в необходимое ей русло и выступать в роли апологета «национальной и государственной безопасности» (с. 10) и защитника «духовного и политического единства народа» (с. 114). В этой связи примечателен случай, зафиксированный авторами энциклопедии в Курской области. Член протестантской общины отказался «сотрудничать» с ФСБ: «Сотрудники ФСБ не ожидали такого от представителей церкви, им стали говорить, что священнослужители РПЦ ведь сотрудничают с ФСБ, и баптисты также “должны сотрудничать и быть патриотами”» (с. 72). Однако раскачанный маховик силовых ведомств в любой момент может зажить собственной жизнью, стать неподконтрольным и, усомнившись в патриотичности церковных структур, обратиться против самой РПЦ. Тем более что основания для этого имеются.

На презентации третьего тома энциклопедии Сергей Филатов, говоря о зафиксированных им новациях в сфере государственно-конфессиональных отношений заявил, что в РПЦ «сделан первый шаг к самостоятельному голосу». «По важнейшему политическому вопросу РПЦ заговорила своим голосом <…> не заняла позиции по Донбассу» (что с точки зрения Романа Лункина также является позицией), стала «ругать экономическую политику правительства». Государственная система в целом и федеральная светская власть в частности рассматривают РПЦ как инструмент в достижении собственных внутренне- и внешнеполитических целей. Зачастую действия, к которым власти принуждают церковных иерархов, сильно бьют по позициям РПЦ и ущемляют ее интересы. Так, светская власть, воспользовавшись в общем-то церковной идеей «русского мира», не только обесценила важную для московской патриархии доктрину, но и оттолкнула от нее украинских православных, составляющих почти треть приходов РПЦ МП, умалила на международной арене позиции московского патриарха,

всегда позиционировавшего себя как пастыря всего постсоветского пространства, а не только России. Попытки светской власти использовать религиозный канал для выхода из международной изоляции и отправить патриарха как парламентера и посланника доброй воли в Гавану, Софию, Стамбул также принесли московской патриархии целый ряд проблем (от упреков в экуменизме внутри страны, до обвинений в фарисействе, стяжательстве и сотрудничестве с КГБ за ее пределами). Кремль готов приносить интересы Церкви в жертву своим геополитическим целям, приструнивая любые попытки архиереев воспротивиться и воспрепятствовать этому как при помощи информационного воздействия из подконтрольных ему СМИ (цикл расследований на «Лента.ру»), так и при помощи силовых ведомств, усиливающих контроль над финансовыми потоками Церкви (обновление руководства в «Софрино»). А вот как долго Церковь готова терпеть принуждения и как она будет выходить из кризиса государственно-церковных отношений, отдалившихся от идеала симфонии, пока остается под вопросом.

Говоря о новых вызовах в сфере государственно-религиозных отношений, необходимо акцентировать внимание еще на одном моменте. Во время презентации энциклопедии Сергей Филатов отметил, что в современной России «религия оказалась едва ли не самым сильным хранителем и выразителем региональных мировоззренческих различий и регионального сознания». Данное замечание становится особенно актуальным в связи с изменениями в федеральной политике в сфере преподавания национальных языков. В августе 2018 г. Президент РФ подписал закон об изучении родных языков в школах, который предоставил родителям учеников в национальных республиках выбирать язык, который их дети будут изучать как родной. Данный закон упрощает жизнь этнических русских, которых ранее обязывали учить язык титульного этноса региона, в котором они проживают. Вместе с тем закон наносит удар по существующим в ряде российских республик практикам использования национального языка в процессе нациестроительства. В этой связи высоковероятно, что значимость религии как фактора, обеспечивающего сохранение и преемственность этнических, культурно-мировоззренческих и национальных различий, равно как и степень ее политизации в национальных регионах Российской Федерации (Татарстан, Башкортостан, Марий Эл, Удмуртия, Северо-Кавказские республики) в ближайшее время будет возрастать.